

Н. А. Бабий

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗНАЧЕНИЯ БЕСПОМОЩНОГО СОСТОЯНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) термин «беспомощное состояние» употреблен в следующих значениях: как обстоятельство, отягчающее ответственность (п. 2 ст. 64 УК); как конститутивный признак состава преступления, например в составах сексуального насилия; как квалифицирующее обстоятельство, например в составе убийства. Кроме этого, приведение потерпевшего в беспомощное состояние может выступать в качестве одного из возможных видов физического насилия в ряде многообъектных насильственных преступлений.

При ближайшем рассмотрении термина «беспомощное состояние» обнаруживается, что он не имеет единообразного толкования ни в науке уголовного права, ни в судебной практике.

Пунктом 2 ч. 2 ст. 139 УК предусмотрена повышенная ответственность за убийство «лица, находящегося в беспомощном состоянии». Постановление № 9 Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)» содержит следующее разъяснение: «Под беспомощным следует понимать такое состояние, которое лишает потерпевшего возможности в силу его физического или психического состояния оказать преступнику активное сопротивление, уклониться от посягательства или иным образом ему противостоять. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, можно отнести, в частности, тяжелобольных либо страдающих психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее»¹.

Ключевое значение в определении беспомощного состояния как квалифицирующего признака убийства имеют слова «лицо не способно оказать преступнику активное сопротивление, уклониться от посягательства или иным образом ему противостоять». Очевидно, что парализованный в силу физического недуга человек или психически больной являются теми лицами, беспомощное состояние которых бесспорно относится к квалифицирующим обстоятельствам убийства. Однако «оказать преступнику активное сопротивление» не в состоя-

нии и, например, лицо, на жизнь которого посягают из засады, лицо, находящееся в состоянии опьянения, обмороке или ином бессознательном состоянии, спящий человек и т. п.

Таким образом, хотя приведенное разъяснение Пленума и конкретизирует содержание рассматриваемого термина, оно в силу излишней общности охватывает и те случаи, которые не могут быть отнесены к беспомощности как к квалифицирующему убийство обстоятельству. Кроме того, упомянутое постановление не содержит ответа на ряд вопросов, имеющих существенное значение для применения уголовного закона, что может привести к разнобою в судебной практике.

Весьма показательным в отношении разночтений является опыт толкования и применения рассматриваемого признака в судебной практике Российской Федерации (далее – РФ).

Первоначально Президиум и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пребывание потерпевшего в состоянии сна или сильного алкогольного опьянения считали основанием для признания состава убийства квалифицированным. Так, Судебная коллегия по уголовным делам в обзоре судебной практики привела определение № 75-097-19 по делу Ревина. В этом определении утверждается, что убийство спящего потерпевшего путем нанесения ему трех ударов топором по голове обоснованно квалифицировано как убийство лица, находившегося в беспомощном состоянии². Определением той же коллегии по делу Хайруллина было констатировано, что поскольку потерпевший находился в сильной степени алкогольного опьянения, то суд обоснованно признал его находившимся в беспомощном состоянии³.

Однако нижестоящие судебные инстанции, по свидетельству заместителя Председателя Верховного Суда РФ А. Е. Меркушова, по-разному решали вопросы квалификации действий виновных, совершивших убийство лиц, находившихся в состоянии сна или тяжелого алкогольного опьянения⁴.

В связи с отмеченными разночтениями Пленум Верховного Суда РФ принял постановление от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в п. 7 которого содержится разъяснение, аналогичное приведенному разъяснению Пленума Верховного Суда Беларуси⁵. И хотя это постановление прямо не решает вопрос о признании или непризнании беспомощным потерпевшего, пребывающего в состоянии опьянения или сна, позиция

Президиума и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ претерпела изменение.

Так, в постановлении Президиума Верховного Суда РФ по делу Тарасова весьма конкретно сказано, что убийство спящего нельзя считать убийством лица, находящегося в беспомощном состоянии⁶. А в определении Судебной коллегии по уголовным делам по делу Быченкова отмечалось, что убийство потерпевших, находившихся в состоянии сильного алкогольного опьянения и сна, не может квалифицироваться как убийство лиц, находившихся в беспомощном состоянии⁷. И хотя при рассмотрении конкретных уголовных дел в кассационном порядке Судебная коллегия по уголовным делам оставляла без изменения некоторые приговоры судов первой инстанции, которыми пребывание потерпевших в состоянии опьянения или сна признавалось состоянием беспомощности, а Президиум вынужден был исправлять такие определения⁸, в целом и Президиум, и Судебная коллегия по уголовным делам придерживаются одной точки зрения: сон и опьянение потерпевшего не являются основанием для признания потерпевшего находившимся в беспомощном состоянии⁹.

Вместе с тем, несмотря на такую определившуюся позицию судебной практики, в юридической литературе единства мнений по рассматриваемому вопросу до настоящего времени не существует. Обращает на себя внимание мнение практиков и ученых, изложенное ими в научно-практических комментариях к УК РФ, вышедших под эгидой государственных органов, призванных обеспечивать единство правоприменительной практики.

Так, в изданном Верховным Судом РФ комментарии утверждает, что позиция судебной практики является безосновательной, поскольку постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «не дает оснований для вывода, что убийство спящего или находящегося в тяжелой степени опьянения или лишенного сознания под воздействием наркотиков или по другой причине не может квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК»¹⁰. В комментарии, выпущенном Генеральной прокуратурой РФ, содержится следующее утверждение: «По п. “в” ч. 2 ст. 105 УК следует также квалифицировать убийство лица, находящегося в обмороке, бессознательном состоянии, тяжелой степени опьянения, спящего и проч.»¹¹. Аналогичное утверждение находим и в комментарии Института повышения квалификации руководящих кадров при Генеральной прокуратуре РФ¹².

«Беспомощное состояние может заключаться в ... нахождении во сне, сильном опьянении...», – сказано в комментарии, написанном под общей редакцией заместителя Министра внутренних дел РФ В. В. Мозякова¹³.

Учебники и учебные пособия по уголовному праву РФ, которые должны сформировать у будущих практических работников знание о рассматриваемом признаке, также многоголосно противоречат мнению высших судебных инстанций России¹⁴.

Определенные сложности в понимание признака беспомощности внесли и посвященные его рассмотрению научные статьи. Так, по мнению С. Дементьева, по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать убийство человека только в том случае, если тот сознавал характер происходящего¹⁵. Возражая против такого подхода, А. Попов указывает на возможность беспомощности, «когда потерпевший в момент убийства находился в состоянии, мешавшем ему адекватно воспринимать действительность», в том числе и когда он «спал или был в состоянии сильного алкогольного опьянения»¹⁶. С. Складов предложил применять квалифицирующее обстоятельство, если виновный использовал состояние потерпевшего для облегчения совершения преступления¹⁷. А. Вершин предложил не усматривать наличие беспомощного состояния, если сон наступил как биологическая потребность, и усматривать его наличие, если потерпевший был усыплен¹⁸.

Определенные трудности вызвал и вопрос о квалификации убийства лица, оказавшегося в беспомощном состоянии в результате применения к нему виновным насилия (например, путем причинения вреда здоровью, связывания). Как отмечал А. Е. Меркушов, в судебной практике такого рода убийство в одних случаях «квалифицируется как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, в других – суды не усматривают в действиях виновного этого квалифицирующего признака»¹⁹. Вместе с тем следует признать, что высшие судебные инстанции России данный вопрос решают более единообразно и не усматривают в подобных случаях состояния беспомощности, поскольку примененное к потерпевшему насилие, в результате которого он оказался в беспомощном состоянии, является частью объективной стороны убийства²⁰.

Изложенное достаточно красноречиво свидетельствует о том, что определение беспомощности потерпевшего через его неспособность

оказать преступнику активное сопротивление, уклониться от посягательства или иным образом ему противостоять порождает серьезные разногласия в толковании беспомощности и форм ее проявления.

И хотя по справедливому замечанию А. В. Баркова трактовка признака беспомощности «в практике применения УК России привела к абсурдным ситуациям, когда убийство спящего расценивалось как квалифицированное убийство»²¹, опыт российской судебной практики в применении этого признака, к сожалению, не был учтен отечественными правоприменителями. Так, в обзоре судебной практики по делам об убийстве утверждается: «По мнению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда, лица, которые стали жертвой убийцы, находясь в бессознательном состоянии, в обмороке, в состоянии сильного опьянения, а также во время сна, что лишает потерпевшего возможности оказать сопротивление виновному, тоже могут быть отнесены к находящимся в беспомощном состоянии, если именно этим виновный воспользовался как обстоятельством, облегчающим совершение преступления»²². А в определении Судебной коллегии по уголовным делам от 16 декабря 2003 г. содержится и вовсе уж странное рассуждение: «Судебная коллегия считает, что нахождение потерпевшей в состоянии сна к числуотягчающих обстоятельств, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 139 УК, не относится, поскольку это необходимое физиологическое состояние человеческого организма. Состояние опьянения потерпевшей не является заболеванием, в том числе и психическим, которое не позволяло бы ей адекватно оценить ситуацию, оказать сопротивление, а было вызвано антиобщественным поведением, связанным с употреблением алкоголя»²³.

Свою лепту в разночтение анализируемого признака вносят и белорусские ученые. Так, в одном из отечественных изданий сказано, что убийство спящего лица является преступлением с квалифицированным составом (ч. 2 ст. 139 УК), поскольку сон отнесен авторами к состоянию беспомощности²⁴. В то же время в учебном пособии по уголовному праву Республики Беларусь говорится, что «убийство, например, спящего лица следует квалифицировать по ч. 1 ст. 139 УК»²⁵.

Аргументация в пользу признания беспомощным состоянием пребывания потерпевшего в бессознательном состоянии по причине сильного опьянения или сна довольно полно изложена в новом курсе уголовного права, подготовленном коллективом авторов ведущего

российского вуза – МГУ им. М. В. Ломоносова. Авторы связывают повышенную общественную опасность убийства пьяных и спящих с особой заботой о защите не способных защитить себя, значительным облегчением исполнения убийства и облегченным формированием умысла²⁶.

Представляется, что такая аргументация вряд ли может быть признана убедительной. Достаточно провести сравнение степени общественной опасности убийства лица, находящегося в сознании, и убийства лица, находящегося в бессознательном состоянии во время сна или тяжелого опьянения. Напомним только, что сравнение следует проводить при прочих равных условиях (мотивы убийства, его цель, способы и т. п.). Если следовать логике приведенных выше аргументов, то пришлось бы признать, что лицо, которое вначале разбудило спящего, довело до его сознания, что сейчас будет содеяно, а затем хладнокровно совершило убийство, является менее общественно опасным, чем то лицо, которое не разбудило жертву перед убийством. Мы как бы говорим преступникам, если не хотите попасть под высшую меру, вначале приведите тяжело пьяного в чувство, отрезвите его, а уж потом..., тогда и наказание вам будет меньшим, чем за убийство этого же лица, но пьяного. Иными словами, убийство пьяного наказывается кардинально строже, чем убийство трезвого. Вряд ли необходимо специально доказывать ошибочность такого утверждения.

Однако проблема уголовно-правовой оценки беспомощности является более значительной, нежели споры по частному вопросу отношения сна или опьянения сильной степени к состоянию беспомощности в составе убийства. Поэтому и решение ее необходимо искать в анализе общих теоретических положений о содержании и значении конкретных признаков состава преступления, используя при этом системный метод толкования.

Термин «беспомощный» в общеупотребительном смысле в белорусском языке означает: который не может сам, своими силами справиться с чем-нибудь, который имеет потребность в помощи, слабый²⁷, неспособный самостоятельно, т. е. без посторонней помощи справиться с чем-либо²⁸. В русском литературном языке под беспомощным понимается «не способный сам себе помочь, защитить себя; бессильный»²⁹.

В уголовном праве беспомощностью чаще всего означаются ситуации, в которых лицо оказывается неспособным принять меры к

самосохранению в условиях существующей опасности для его жизни, здоровья или иных интересов. В ряде статей УК устанавливает ответственность за неоказание такому лицу необходимой помощи. Однако в указанных случаях законодатель прямо не называет лицо беспомощным, несмотря на его фактическую беспомощность. Так, в ст. 159 «Оставление в опасности» такая беспомощность обозначена как пребывание лица в опасном для жизни состоянии при наличии необходимости оказать ему явно не терпящую отлагательства помощь, в ст. 160 «Неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие» фактически беспомощные обозначены как люди, терпящие бедствие на водном пути, в ст. 307 «Непринятие мер по спасанию людей» фактическая беспомощность обозначена как случай, когда жизни или здоровью людей угрожает опасность, и т. п. Несмотря на очевидную в общеупотребительном значении беспомощность потерпевших в указанных ситуациях законодатель говорит лишь о существовании опасности для жизни или здоровья человека.

Конкретные проявления фактической беспомощности при реальной опасности жизни или здоровью могут быть самыми разнообразными в зависимости от состояния человека и характера источника грозящей опасности. В связи с этим беспомощным может быть не только, например, парализованный человек, но также и абсолютно здоровый взрослый человек.

Применительно к убийству перед угрозой смерти фактически беспомощным оказывается, конечно же, и лицо, находящееся в состоянии тяжелого опьянения, сна или в ином бессознательном состоянии. Не способно противостоять убийце и лицо, подвергшееся скрытному нападению, лицо, в которое стреляют на расстоянии, лицо, которому тайно подмешивают в пищу яд и т. п. То же можно сказать и о лице, хотя и временно, но тяжело больном, о раненом человеке, о лице, оказавшемся, например, в глубокой яме, или придавленном тяжелыми предметами, о тонущем в воде и т. п. И если довести рассуждения до логического предела, то можно сказать, что сам факт наступления смерти свидетельствует о том, что потерпевший оказался беспомощным перед лицом убийцы.

Однако законодатель использует термин «беспомощность» в специфическом значении, которое существенно уже общеупотребительного. Так, в ч. 2 ст. 159 УК термин «беспомощность» употреблен наряду с указанием на существование опасности для жизни и здоровья.

В этой норме беспомощность определена как причина, по которой лицо лишено возможности принять меры к самосохранению. Причем беспомощность является одной из такого рода причин наряду с малолетством, старостью или болезнью. Для уяснения содержания беспомощности необходимо учитывать и указание на существование обязанности других лиц заботиться о беспомощном. Аналогичное понимание состояния беспомощности изложено и в некоторых иных правовых актах. Так, Закон о милиции вменяет в обязанность милиции «оказывать в пределах имеющихся возможностей первую помощь лицам, пострадавшим от правонарушений и несчастных случаев, находящимся в общественных местах в беспомощном или опасном для жизни и здоровья состоянии»³⁰.

Таким образом, беспомощность означает определенное состояние человека, существующее объективно вне зависимости от наличия или отсутствия внешних привходящих обстоятельств, создающих опасность для его жизни или здоровья.

Сущность беспомощности заключается в том, что лицо не в состоянии самостоятельно без посторонней помощи удовлетворять основные жизненные потребности, т. е. не в состоянии обеспечить самосуществование. Именно такое значение изначально вкладывалось в понятие «беспомощный» и в русском языке. С. И. Ожегов, в частности, дал следующее определение: «Беспомощный – нуждающийся в помощи, неспособный сам делать что-нибудь для себя, бессильный»³¹. А синонимический ряд этого термина включает в себя такие определения: несамостоятельный, шагу ступить не может, хуже малого ребенка³².

Речь идет о неспособности беспомощного лица к самостоятельному существованию в обычной жизни или в нормальных условиях, а не применительно к экстремальной ситуации опасности. Именно поэтому на других лиц возлагается постоянная, каждодневная обязанность заботиться о беспомощном, а фактически – обеспечивать его жизнедеятельность, поскольку без посторонней помощи такое лицо обречено на гибель. И хотя гибель может быть следствием воздействия каких-либо внешних факторов, опасность для жизни потерпевшего заключена именно в самой беспомощности.

Такая беспомощность может быть обусловлена определенными физическими недостатками или психическим заболеванием человека.

В данном узком значении понятие «беспомощность» и должно использоваться в уголовном законе в качестве признака состава преступления. Руководствуясь именно такой оценкой содержания признака «беспомощность», следует дать его определение непосредственно в УК. Кстати, в нормативно-правовых актах, регламентирующих общественные отношения в области оказания медицинской помощи, имеется достаточно точное определение состояния беспомощности: «неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности»³³.

Понятие «беспомощность» в его широком значении как неспособность противодействовать определенной опасности или посягательству либо уклониться от них не может выполнять роль признака состава преступления, поскольку всякое признание лица потерпевшим от преступления означает констатацию того факта, что данное лицо без посторонней помощи не смогло противостоять посягательству и, стало быть, оказалось беспомощным.

Любое обстоятельство, используемое в качестве конститутивного или квалифицирующего признака состава преступления должно быть конкретным и иметь четко определенное законом содержание. Только в таком случае оно может выполнять роль критерия уголовно-правовой оценки содеянного. Ведь для вменения умышленного преступления необходимо, чтобы лицо сознавало все признаки состава этого преступления. Если же лицо не сознает какой-либо признак состава умышленного преступления, то оно не совершает умышленное преступление.

Квалифицирующий признак убийства – беспомощность потерпевшего – ставится в вину при наличии заведомости, т. е. в том случае, когда виновный знает о таком состоянии жертвы. Как было показано выше, и суды, и ученые-юристы нередко дают противоположное толкование термина «беспомощность». Как же можно требовать от преступника знания того, что не определено точно ни законом, ни судом, ни учеными? При убийстве здорового спящего человека преступник считает его не беспомощным, а здоровым человеком, который спит, а сон используется преступником только для облегчения совершения преступления. Следовательно, даже если преступник не знал о том, что спящего необходимо считать беспомощным, он будет привлечен к ответственности за квалифицированное убийство. Но это, по сути, является не чем иным, как объективным вменением.

Можно возразить на это, что незнание преступником уголовного закона не освобождает его от ответственности. Однако для наступления ответственности обязательным является осознание лицом общественной опасности своего деяния, что предполагает знание указанных в статье УК признаков состава преступления, в том числе и признака «беспомощность».

Представляется, что беспомощность нельзя ставить в зависимость от иных обстоятельств, угрожающих жизни, здоровью или иным интересам человека, поскольку в этом случае совершенно размываются границы данного понятия. Настаивать на таком буквальном значении признака «беспомощность» дает основание ст. 3 УК, в ч. 2 которой в качестве принципа уголовного закона провозглашено следующее положение: «Нормы Кодекса подлежат строгому толкованию».

В последующем мы еще обратимся к системному анализу признака беспомощность, а сейчас целесообразно определиться с правильностью использования этого признака в качестве квалифицирующего в составе убийства.

Квалифицирующим выделяется обстоятельство, наличие которого весьма существенно повышает степень общественной опасности преступления определенного вида и лица, его совершившего. Поскольку за квалифицированное убийство предусмотрено наказание в виде смертной казни, постольку подразумевается, что квалифицирующее это преступление обстоятельство должно быть крайней степени тяжести. Причем наличие такого обстоятельства в преступлении должно быть достаточным основанием для применения высшей меры наказания независимо от наличия каких-либо иных отягчающих обстоятельств (убийство двух или более лиц, убийство общеопасным способом, повторное убийство и т. п.)³⁴.

Какое же обстоятельство вызывает наше особое негодование, настолько сильное негодование, что мы готовы виновного исключить из числа членов общества путем расстрела или пожизненного заточения?

Таким обстоятельством является особая безжалостность, особая жестокость виновного. Убийство само по себе действие безжалостное и жестокое, поэтому квалифицирующим обстоятельством может являться именно особая безжалостность. Понятие «особая» предполагает безжалостность, резко выделяющуюся из числа общераспространенных случаев ее проявления.

Посколькуотягчающее обстоятельство (беспомощность) относится к характеристике потерпевшего лица, постольку представляется, что такая особая безжалостность может быть проявлена только по отношению к лицам, которые пользуются в обществе особым отношением. Такими лицами, которых уголовный закон именует находящимися в беспомощном состоянии, являются лица детского и престарелого возраста, а также немощные физически и душевно больные. С точки зрения общечеловеческой нравственности отношение к младенцам и старцам, к убогим и ущербным всегда было особым, жалостливо сочувствующим, вызывающим стремление оказать им содействие и стать на их защиту. Соответственно даже простая обида таких лиц считается особо аморальной, вызывает чувство негодования и наиболее строго осуждается. В данном случае попирается не простое нормальное отношение к другому человеку, но единственно возможное отношение – сочувствующее отношение. Нарушение такого отношения автоматически свидетельствует о повышенной бесчувственности обидчика, а в случае причинения смерти – о повышенной безжалостности или особой жестокости убийцы.

Таким образом, критерием оценки рассматриваемого обстоятельства как квалифицирующего убийство является не сама по себе неспособность лица сопротивляться убийце, о чем говорится в постановлении Пленума Верховного Суда, а проявленная виновным особая жестокость.

Спящий, равно как и бодрствующий человек, не вызывает к себе сочувствующего отношения, подобного отношению к немощным и убогим. Что же касается сильно пьяных, то отношение к ним в большей мере осуждающее, нежели сочувствующее. То же самое можно сказать и о некоторых других лицах, подпадающих под определение постановления Пленума Верховного Суда, т. е. о лицах, лишенных возможности «оказать преступнику активное сопротивление, уклониться от посягательства или иным образом ему противостоять».

Сказанное позволяет прийти к заключению, что повышенная общественная опасность убийства заведомо малолетнего, престарелого или лица, находящегося в беспомощном состоянии, заключается в особой жестокости убийцы³⁵.

В связи с этим необходимо еще решить и вопрос, следует ли убийство указанных лиц всегда считать квалифицированным, исходя только из объективной характеристики потерпевших, или же в допол-

нение к этому необходимо установить проявление виновным особой жестокости?

Представляется, что квалификация убийства заведомо малолетнего, престарелого или лица, находящегося в беспомощном состоянии, по ч. 2 ст. 139 УК возможна только в том случае, если содеянное является проявлением особой жестокости виновного.

Такой подход к квалификации позволит избежать необоснованного признания особо опасными лиц, которые в действительности таковыми не являются. Прежде всего отпадут разногласия по поводу признания или непризнания беспомощным состоянием опьянения сильной степени, сна и иных подобных состояний. Далее решится вопрос квалификации убийства по каким-либо мотивам, не являющимся отягчающими. Например, по действующему УК Республики Беларусь причинение смерти тяжело и неизлечимо больному, будь то убийство по его просьбе или убийство из сострадания, должно квалифицироваться как убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии. Убийство из мести, например за смерть родного человека, также будет квалифицироваться по ч. 2 ст. 139 УК, если потерпевший, например, достиг семидесятилетнего возраста.

В силу отмеченного противоречия между оценкой беспомощности как объективного состояния потерпевшего и мотивами убийства как субъективного отношения виновного к содеянному представляется целесообразным уточнить рассматриваемый квалифицирующий признак убийства указанием на проявление виновным особой жестокости.

Как известно, в ч. 2 ст. 139 УК Республики Беларусь предусмотрена повышенная ответственность за убийство, «совершенное с особой жестокостью» (п. 6). Поэтому наиболее приемлемым было бы объединение двух квалифицирующих обстоятельств, предусмотренных пунктами 2 и 6 ч. 2 ст. 139 УК, в одном пункте с признанием квалифицированным видом убийства особо жестокого убийства или убийства с проявлением виновным особой жестокости.

Несмотря на такое уточнение беспомощности, как квалифицирующего обстоятельства в составе убийства, определение самого понятия «беспомощность» должно ограничиваться указанием на его выше указанные объективные признаки. Только в этом случае понятие «беспомощность» будет иметь единое значение во всех составах

преступлений независимо от того, используется оно в качестве признака основного или квалифицированного состава.

С сожалением приходится констатировать, что до настоящего времени однообразного понимания беспомощности в УК нет. Ярким тому подтверждением может служить сравнение рассмотренного квалифицирующего признака в составе убийства и этого же признака, но уже в качестве основного в составах сексуального насилия.

Одним из возможных проявлений сексуального насилия является совершение сексуальных действий с использованием беспомощного состояния потерпевшей или потерпевшего (ч. 1 ст. 166 и ч. 1 ст. 167 УК).

Существует устоявшаяся и, можно сказать, общепризнанная практика применения признака беспомощности в составе изнасилования. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении от 16 декабря 1994 г. № 9 «О судебной практике по делам об изнасиловании» разъяснил, что «изнасилование следует признавать совершенным с использованием беспомощного состояния потерпевшей в тех случаях, когда она в силу своего физического или психического состояния (физические недостатки, расстройство душевной деятельности, иное болезненное либо бессознательное состояние и т. п.) не могла понимать характера и значения совершаемых с нею действий или не могла оказать сопротивления виновному и последний, вступая в половое сношение, сознавал, что потерпевшая находится в таком состоянии»³⁶.

Сравнение разъяснений Пленума Верховного Суда показывает, что в основных чертах определения беспомощности в составах изнасилования и убийства совпадают: беспомощностью является либо неспособность жертвы оказать сопротивление, либо непонимание ею характера и значения совершаемых действий.

Вместе с тем беспомощным состоянием жертвы сексуального насилия может быть признано пребывание в состоянии опьянения, лишившем ее возможности оказать сопротивление виновному, о чем дано прямое разъяснение Пленума Верховного Суда. Помимо алкогольного опьянения к беспомощному состоянию при изнасиловании может быть отнесено и пребывание потерпевшей во сне³⁷. К беспомощному состоянию в составе изнасилования относят также случаи обмана в личности виновного, когда «потерпевшая приняла виновного за другое лицо»³⁸. В этом случае обман «в личности является одной из разновидностей психической беспомощности»³⁹.

Причины, по которым жертва сексуального насилия оказалась в бессознательном или беззащитном состоянии, не имеют значения: она может быть приведена в такое состояние самим виновным, например путем дачи наркотиков, снотворного, спаивания спиртными напитками и т. п., или находиться в беспомощном состоянии независимо от действий виновного.

Таким образом, имеются весьма существенные различия в толковании беспомощности в составе убийства и этого же признака, но уже в составах сексуального насилия. Иллюстрацией этого противоречия может служить пример с совершением сексуальных действий и последующим убийством лица, находящегося в состоянии сильного алкогольного опьянения. Складывается парадоксальная ситуация, когда находящуюся в состоянии глубокого опьянения потерпевшую вначале изнасиловали, а затем убили, то применительно к изнасилованию она будет считаться находившейся в беспомощном состоянии, но уже применительно к убийству – нет. Одно и то же состояние одной и той же потерпевшей в одно и то же время оценивается неодинаково различными статьями, хотя в обеих статьях такое состояние обозначено одним и тем же термином – «беспомощность».

Это противоречие уже отмечалось в юридической литературе в качестве аргумента для признания сна и опьянения состоянием беспомощности и в составе квалифицированного убийства⁴⁰. Абсолютно соглашаясь с фактом наличия противоречия, хотелось бы возразить против сделанного из него вывода. Для истинности заключения необходимо, чтобы истинными были и посылки, из которых оно сделано. В нашем же случае не самоочевидно, что истинным является утверждение: спящий человек находится в беспомощном состоянии. Более логично предположить о неверности истолкования или неправильности использования термина «беспомощность» в составах сексуального насилия.

Означает ли это, что не следует считать сексуальным насилием совершение сексуальных действий с лицом, пребывающим в состоянии сильного опьянения или глубокого сна, либо с использованием обмана в личности? Отнюдь нет.

В данном случае необходимо определиться с двумя самостоятельными вопросами. Во-первых, это вопрос о том, какие конкретные действия должны быть криминализованы соответствующими нормами, и, во-вторых, это вопрос о том, какими терминами должны

быть обозначены криминализируемые деяния в уголовно-правовой норме⁴¹.

Ответ на первый вопрос очевиден. Совершение сексуальных действий не только с применением насилия, но и с использованием беспомощного состояния, опьянения, сна, обмана является общественно опасным и потому должно быть уголовно наказуемым.

Проблема, на наш взгляд, заключена во втором вопросе. В составах сексуального насилия ответственность предусмотрена за совершение сексуальных действий вопреки воле потерпевшего лица. Вопреки воле включает в себя две составляющие: против воли, когда воля на отказ выражена, но подавляется применением физического или психического насилия, и помимо воли, когда воля не может быть выражена или подкреплена сопротивлением. Термин «беспомощное состояние» использован для обозначения случаев совершения сексуальных действий помимо воли потерпевшего лица.

Сексуальное насилие с использованием беспомощности потерпевшего лица возможно в двух случаях. Во-первых, когда потерпевшее лицо находится в сознании и выражает отказ от сексуальных действий, но не может противостоять виновному, поскольку лишено такой физической возможности в силу болезни, возраста или физической беспомощности. Во-вторых, помимо воли может означать совершение сексуальных действий с лицом, которое в силу психических причин (малолетнего возраста, расстройства душевной деятельности, слабоумия, иного болезненного либо бессознательного состояния и т. п.) не осознавало характер и значение совершаемых с ним действий и, следовательно, не могло осознанно выразить свою волю.

Беспомощность в ее буквальном или узком значении является лишь одним из вариантов состояния потерпевшего, которое используется виновным для совершения сексуальных действий помимо воли потерпевшего лица, что и должно найти отражение в ст. 166 и 167 УК Республики Беларусь.

Есть смысл обратиться к уголовному законодательству зарубежных стран, которое дает нам самые разнообразные варианты описания составов сексуального насилия.

Например, УК Китая ограничивается весьма кратким изложением признаков изнасилования и в ч. 1 ст. 236 содержит следующую диспозицию: «Изнасилование, совершенное с применением к женщине

угроз и насилия»⁴². Как видим, здесь нет деления насилия вопреки воле на помимо и против воли потерпевшей.

Однако в уголовных кодексах большинства стран дается весьма детальное указание признаков составов рассматриваемых преступлений. При этом раздельно предусматривается уголовная ответственность за сексуальные действия с применением физического или психического насилия и за их совершение с использованием бессознательного или беспомощного состояния.

Так, в УК Японии ст. 177 предусматривает ответственность за изнасилование, а ст. 178 озаглавлена следующим образом: «Преступные деяния, приравняемые к развратным действиям с применением насилия и к изнасилованию» и имеет следующее содержание: «Тот, кто совершил развратное действие в отношении другого лица или совратил его, воспользовавшись бессознательным состоянием или неспособностью этого лица сопротивляться либо приведя его в бессознательное состояние или в состояние неспособности сопротивляться»⁴³.

Дифференцирована ответственность за сексуальное насилие и в УК Польши. По ст. 197 наказывается виновный в изнасиловании, к которому относится и половое сношение с использованием обмана, а по ст. 198 наказывается тот, кто, «используя беспомощность другого лица или недостаточную способность этого лица к пониманию значения совершаемого деяния, связанные с его умственной отсталостью или психической болезнью, или своими действиями доводит его до полового сношения или состояния, когда оно подчиняется совершению в отношении него сексуальных действий либо когда оно совершает такие действия»⁴⁴.

В УК Швейцарии ответственность за изнасилование предусматривается в ст. 190 и в отдельной статье – за половое сношение с использованием беспомощного состояния потерпевшего (ст. 191). Под беспомощным состоянием в этом УК понимается неспособность оценивать характер и последствия своих действий или неспособность оказать сопротивление⁴⁵.

В УК некоторых стран совершение насильственных сексуальных действий даже именуется различными терминами в зависимости от того, против или помимо воли они совершаются.

Так, УК Испании сексуальные действия с применением насилия именуется сексуальной агрессией, а совершаемые помимо воли – сексуальными злоупотреблениями. В ст. 181 предусматривается ответст-

венность того, «кто без применения насилия или запугивания и не получив согласия, совершит действия, которые посягают на половую свободу другого лица». При этом в законе четко определено, что «во всех случаях признаются сексуальными злоупотреблениями действия, совершенные без согласия жертвы: 1) против лиц, не достигших двенадцати лет; 2) против лиц, лишенных разума, либо злоупотребляя их душевными расстройствами»⁴⁶.

УК Швеции (ст. 1 главы 6) принудительное вступление в половую связь именуется изнасилованием, а сексуальные действия помимо воли – сексуальной эксплуатацией, к которой относит и случаи совершения полового сношения с другим лицом с использованием того обстоятельства, «что последний находится в беспомощном или в ином подобном недееспособном состоянии или страдает психическим расстройством»⁴⁷.

Встречаются и случаи различной уголовно-правовой оценки отдельных видов использования беспомощности. Один из таких вариантов мы встречаем в УК ФРГ, в § 177 которого к изнасилованию отнесено принуждение виновным другого лица терпеть сексуальные действия, «используя положение, в котором жертва беззащитно отдана на его произвол»⁴⁸. А в § 179 «Сексуальные действия в отношении лиц, неспособных оказать сопротивление» установлена ответственность за совершение сексуальных действий путем злоупотребления отношениями с лицом, которое неспособно оказать сопротивление «вследствие духовной или душевной болезни или отклонения, включая магию, или вследствие глубокого помутнения сознания, или физически»⁴⁹.

Довольно подробно игнорирование воли жертвы описано в УК Голландии, в котором ответственность за изнасилование предусмотрена ст. 242, а в соответствии со ст. 243 наказуемы сексуальные действия с лицом, «которое заведомо находится без сознания или физически неспособно сопротивляться или страдает такой степенью умственного недостатка или душевной болезни, что не способно или недостаточно способно проявить или выразить свою волю по данному вопросу или оказать сопротивление»⁵⁰.

Даже столь краткое знакомство с зарубежным уголовным законодательством показывает, что беспомощность понимается лишь как одна из возможных причин, по которым жертва не может противостоять сексуальным действиям, и что эти причины достаточно подробно

описаны в диспозициях соответствующих статей. Представляется, что этот опыт других стран должен быть использован отечественным законодателем для более правильного формулирования составов насильственных преступлений. Уточнение содержания признаков преступлений непосредственно в уголовном законе позволит избежать разночтений в правоприменительной практике, а стало быть, послужит делу укрепления законности.

¹ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2003. № 8. 6/353.

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 1997 года (по уголовным делам) // Судебная практика по уголовным делам в 2-х частях. Часть 1. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ / Сост. С. А. Подзоров. М., 2001. С. 695.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 4. С. 9–10.

⁴ Меркушов А. Е. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 105 УК РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 6. С. 21.

⁵ Судебная практика по уголовным делам в 2 частях. Часть 1. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ / Сост. С. А. Подзоров. М., 2001. С. 503. Следует отметить, что Пленуму Верховного Суда РФ надлежало бы более точно разъяснить свою позицию, поскольку в п. «з» ст. 63 УК РФ беспомощность указана наряду с беззащитностью, которая и означает неспособность «защитить себя».

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 1999 г. (по уголовным делам) // Судебная практика по уголовным делам в 2 частях. Часть 1. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ / Сост. С. А. Подзоров. М., 2001. С. 907. См., также: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2002 г.: Утвержден постановлением Президиума Верховного Суда РФ 17 июля 2002 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 12. С. 6–7.

⁷ Судебная практика по уголовным делам в 2 частях. Часть 2. Разъяснения по вопросам Общей и Особенной части Уголовного кодекса РФ / Сост. С. А. Подзоров. М., 2001. С. 347.

⁸ См., например: Нахождение потерпевшего в состоянии алкогольного опьянения не может свидетельствовать о его беспомощном состоянии и служить основанием для квалификации действий виновного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 15 декабря 1999 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 5. С. 12.

⁹ См., например: Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 9. С. 20; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2002 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 12. С. 7.

¹⁰ Комментарий к Уголовному кодексу РФ: Научно-практический комментарий / Отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2001. С. 237.

¹¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под общ. ред. В. М. Лебедева Ю. И. Скуратова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 257.

- ¹² Практический комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под общ. ред. Х. Д. Аликуперова и Э. Ф. Побегайло. М., 2001. С. 264.
- ¹³ Комментарий к Уголовному кодексу РФ. Расширенный уголовно-правовой анализ / Под общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2002. С. 181.
- ¹⁴ См., например: Курс уголовного права. Особенная часть. Том 3: Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 115, 171.
- ¹⁵ Дементьев С. Понятие беспомощного и бессознательного состояния // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 43.
- ¹⁶ Попов А. Соотношение убийств, предусмотренных п. п. «в» и «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Законность. 2000. № 9. С. 36–37; Попов А. Беспомощное состояние потерпевшего должен осознавать убийца, а не потерпевший // Российская юстиция. № 11. 2002. С. 58.
- ¹⁷ Скляров С. Совершение преступления в отношении малолетнего, беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного // Уголовное право. 1999. № 4. С. 27.
- ¹⁸ Вершин А. Некоторые вопросы квалификации убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Уголовное право. 2000. № 4. С. 8.
- ¹⁹ Меркушов А. Е. Указ. соч. С. 21.
- ²⁰ См., например: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2002 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 12. С. 6–7.
- ²¹ Барков А. В. Влияние правосознания на законотворчество и правоприменение в уголовном праве // Проблемы правоприменительной деятельности в Республике Беларусь: Материалы респ. науч. конф. Гродно, 28–29 марта 2003 г.: В 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Р. Н. Ключко. Гродно, 2003. С. 262.
- ²² О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК) (по материалам судебной практики) // Судовы веснік. 2003. № 1. С. 45.
- ²³ Судовы веснік. 2004. № 1. С. 29.
- ²⁴ Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / Под общ. ред. А. И. Лукашова. Мн., 2001. С. 61.
- ²⁵ Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: Учеб. пособие / Под ред. Н. А. Бабия и И. О. Грунтова. Мн., 2002. С. 72.
- ²⁶ Курс уголовного права. Особенная часть. Том 3: Учебник для вузов / Под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 115.
- ²⁷ Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Т. 1. Мн., 1977. С. 360.
- ²⁸ Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М. Р. Суднікі, М. Н. Крыўко. Мн., 1996. С. 85.
- ²⁹ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 414.
- ³⁰ О милиции: Закон Республики Беларусь от 26 февраля 1991 № 637-XII // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. 1991. № 13. Ст. 150.
- ³¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 12-е изд., стереотипное. М., 1978. С. 45.
- ³² Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л. А. Чешко. 5-е изд., стереотипное. М., 1986. С. 38.
- ³³ См., например: О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон Республики Беларусь от 1 июля 1999 г. № 274-3 // Национальный реестр

правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 52. 2/49; О государственных минимальных социальных стандартах в области здравоохранения: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18.07.2002 г. № 963 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 84. 5/10825.

³⁴ Вызывает сожаление та легкость, с которой законодатель и многие авторы расширяют число квалифицирующих убийства обстоятельства, еще более расширяя сферу применения «квалифицированного убийства» – смертной казни.

³⁵ По ранее действовавшему уголовному законодательству именно как убийство с особой жестокостью квалифицировались случаи убийства с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Справедливость такой позиции судебной практики поддерживалась и учеными юристами. См., например: Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 99.

³⁶ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, постановлений и определений кассационных и надзорных судебных инстанций за 1994–1998 гг. и обзоров судебной практики / Сост. Н. А. Бабий. Мн., 2000. С. 67.

³⁷ Медико-правовые аспекты сексуального насилия: Учеб. пособие / Ю. В. Кухарьков, Г. Ф. Пучков, Т. Л. Доморацкая, И. С. Тепляшина. Мн., 2001. С. 9.

³⁸ Уголовное право БССР. Часть Особенная / Под общ. ред. И. С. Тишкевича. Мн., 1978. С. 130.

³⁹ Кондрашова Т. В. Квалификация изнасилования: Учеб. пособие. Свердловск, 1988. С. 20.

⁴⁰ См., например: Володин Д., Попов А. Сон и сильная степень опьянения как обстоятельства, свидетельствующие о беспомощном состоянии потерпевшего при убийстве // Уголовное право. 2002. № 3. С. 46.

⁴¹ Это положение в полной мере относится и к использованию в качестве квалифицирующего обстоятельства в составе убийства беспомощного состояния потерпевшего лица.

⁴² Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. СПб., 2001. С. 161.

⁴³ Уголовный кодекс Японии. СПб., 2002. С. 112.

⁴⁴ Уголовный кодекс Республики Польша. Мн., 1998. С. 72–73.

⁴⁵ Уголовный кодекс Швейцарии. М., 2001. С. 72.

⁴⁶ Уголовный кодекс Испании. М., 1998. С. 62.

⁴⁷ Уголовный кодекс Швеции. СПб., 2001. С. 56.

⁴⁸ Уголовный кодекс ФРГ / Пер. с нем. М., 2001. С. 110.

⁴⁹ Там же. С. 111.

⁵⁰ Уголовный кодекс Голландии. СПб., 2001. С. 355.